

На театрѣ г. Корша поставлена новая одноактная пьеса *Медведь*; это „шутка“, принадлежащая А. Чехову. Молодая вдова

заперлась послѣ кончины мужа въ своей усадьбѣ и никого не хочет видѣть. Она отступаетъ, однако, отъ своего правила, когда ей докладываютъ что какой-то господинъ непремѣнно желаетъ съ нею переговорить по весьма нужному дѣлу. Объясненіе кончается очень скоро:

— Сударыня, вашъ покойный мужъ долженъ мнѣ двѣ тысячи рублей.

— Я заллачу ихъ вамъ послѣ завтра.

— Мнѣ нужно непремѣнно получить эти деньги сегодня. Завтра у меня срочные платежи.

— Сегодня у меня нѣтъ денегъ.

— Такъ я останусь здѣсь пока вы мнѣ уплатите.

Вдова съ негодованіемъ уходитъ въ свою комнату. Пріѣзжій кричитъ въ окно своему кучеру чтобы тотъ отпрягалъ лошадей. Входитъ лакей и объявляетъ что барыня нездорова и не можетъ принимать. Пріѣзжій прогоняетъ лакея, потомъ зоветъ его опять, требуетъ рюмку водки, потомъ стаканъ воды, словомъ, держитъ себя точно дома. Наконецъ вдова теряетъ терпѣніе и выходитъ опять чтобы заставить гостя удалиться. Не тутъ-то было. Гость начинаетъ возставать противъ женщины вообще и женскихъ капризовъ въ частности и доводитъ хозяйку до того что она называетъ его медвѣдемъ и мѣднымъ лбомъ.

До этой минуты зритель принимаетъ положеніе. Но тутъ авторъ заставляетъ сдѣлать гостя нѣчто такое противъ чего возстаетъ здравый смыслъ. Представьте себѣ: этотъ мущина—вызываетъ женщину на дуэль. Та принимаетъ вызывъ и уходитъ чтобы принести pistols покойнаго мужа. Какъ хотите, но это неправдоподобно даже—для шутки.

Пріѣзжій такъ льбляется мужествомъ вдовы что мгновенно влюбляется въ нее. Въ свою очередь онъ понравился вдовѣ. Лакей, побѣждавшій собирать помощь противъ незваннаго гостя, является съ цѣлю толпой мужиковъ чтобы увидать самому и показать мужикамъ какъ гость цѣлуетъ хозяйку.

Въ пьесѣ три дѣйствующія лица: вдова, гость, лакей. Это нѣчто въ родѣ французскихъ *proverbes*; различіе лишь въ томъ что тѣ, при всей своей вѣшной простотѣ, обдуманы и обработаны до мельчайшихъ подробностей, какъ настоящія „кабинетныя“ вещицы, между тѣмъ какъ г. Чеховъ допускаетъ такую вопіющую

невозможность как вызов женщины на дуэль. Эта необдуманная подробность тем более бросается в глаза что на ней построен перелом пьесы, перемена отношений между действующими лицами. Г. Соловцов, играющий роль „медведя“, очень верно берет темп нужный для такого рода вещей; но даже и при этой быстроте темпа нѣтъ возможности „скользнуть“ по неправдоподобности вызова женщины на барьеръ; рѣшительно—это диссонансъ и очень некрасивый. Г. Чеховъ талантливый человѣкъ. Ему прекрасно удаются небольшія жанровыя картинки. Но картинка въ формѣ разказа и картинка въ формѣ сценической—двѣ различныя вещи; это два разные приема обработки одного и того же мотива. Лучшее доказательство этому представляет пьеса *Очаровательный Сонъ* шедшая на театрѣ Корша въ бенефисъ г. Свѣтлова и передѣланная изъ разказа Достоевскаго *Дядюшкинъ Сонъ*. Въ разказѣ Достоевскаго это очень тонкая вещь; на сценѣ она производитъ впечатлѣніе тягучее, монотонное и циническое. Г. Свѣтлову захотѣлось сыграть большую и сильно гримованную роль старика обратившагося въ дѣтство. Но онъ позабылъ что интересъ къ этой роли исчерпывается на сценѣ первымъ актомъ, что всѣ послѣдующіе акты представляютъ лишь утомительное повтореніе все одной и той же ноты. Происходитъ это отъ того что въ разказѣ образъ складывается мало-помалу, черта за чертой, тогда какъ на сценѣ онъ съ перваго раза весь на лицо предъ зрителемъ. /.../.

1888

С. Васильев
<С.В. Флеров>